

ЗАПИСИ УСТНЫХ ПРЕДАНИЙ В РАССКАЗЕ ГЕРОДОТА О СКИФИИ

Геродот использовал фольклорные произведения в качестве источника своих сведений о Скифии. В статье дан подробный стилистический анализ двух мифов о происхождении скифов и двух исторических новелл о скифах царского рода (Her. IV, 5–10; 76–80). Автор выявляет в тексте ряд приемов повествования, характерных для фольклорных рассказов, а также показывает, как историк сохранил особенности устной речи. В статье приводятся доводы, которые не позволяют принять мнение о скифском происхождении мифа о Геракле, змееной богине и их трех сыновьях, родоначальниках скифов, агафирсов и гелонов. Автор также критикует предположение относительно создания этого мифа греческими жрецами. Записи Геродота свидетельствуют, что в VI–V вв. до н.э. в среде греческих колонистов рождались новые мифы и новеллы, построенные в духе фольклорной традиции метрополии. Все четыре рассмотренных рассказа записаны в Ольвии и за исключением скифского генеалогического мифа являются плодом коллективного творчества ольвиополитов.

Ключевые слова: Античное Северное Причерноморье, древнегреческая колонизация, мифология, историческая новелла, скифские цари, Геракл.

Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан, и этому правилу я буду следовать во всем моем сочинении

Геродот «История» (VII, 152).

Геродот был первооткрывателем во многих областях знаний, которые содержатся в «Истории», главном труде его жизни. Главы, посвященные описанию Скифии, изобилуют уникальными сведениями, среди них важнейшее место занимают древнейшие записи фольклора, бытовавшего в среде греческих колонистов и их соседей скифов. Логографы, предшественники историка, включали в свои сочинения немало греческих мифов, но они ограничивались сухим пересказом, часто критически оценивали народные рассказы и даже называли их смехотворными (Hecat. Mil. Fr. 1).

Примеры такого рода можно найти и у Геродота¹, но у него есть также иные образцы передачи фольклорных произведений. Новаторство историка проявилось в умении подробно записать и сохранить стиль устного повествования своих собеседников. К сожалению, в античной литературе совсем немного таких образцов; что же касается мифов и новелл, родившихся именно в Северном Причерноморье, то подобных записей больше нет ни в одном из известных сейчас древних текстов. Яркий пример — «Рассказы о героях» Филострата. Он пересказал серию преданий об Ахилле на его священном острове близ устья Дуная, упомянув, что узнал их у некоего херсонесского виноградаря; однако писатель передал лишь фабулу без каких-либо особенностей устной речи своего информатора (Philostr. Heroic. XIX, 16–18). Прочие древние авторы — такие, как Страбон, Диодор Сицилийский, Плиний, Мела и некоторые другие, упомянули предельно кратко о местных причерноморских мифах.

Два мифа и две исторические новеллы включены Геродотом в главы, характеризующие историю, быт и нравы скифов. Первые историк привел в качестве разных мнений о появлении этого народа в Северном Причерноморье, а вторые иллюстрируют примеры неприятия скифами обычаев и религии эллинов. Исследованию этих глав «Истории» посвящено немало научных работ, но их авторов в основном интересовали скифский фольклор и конкретные факты, которые можно извлечь из этих текстов, но не форма записи устных рассказов, их греческое происхождение и роль в культуре колонистов, поселившихся на северных берегах Понта Евксинского.

В огромном ряду отечественных исследований сочинения отца истории только замечательная монография А.И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота»² полностью посвящена разбору литературного оформления текста «Истории». В этой книге есть примеры и из Скифского рассказа³, но в целом его стилистика не являлась предметом подробного анализа. Из зарубежных исследований следует упомянуть не утерявшие во многом актуальности обобщающие работы Ф. Якоби⁴ и В. Али⁵, которые уделили немало внимания характеру повествования во всех частях сочинения Геродота.

¹ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 178.

² Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль.

³ Там же. С. 80, 141, 153.

⁴ Jacoby F. Herodotus // RE. Supplbd. 2. 1913.

⁵ Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.

При описании разных народов Геродот следовал определенному плану, в котором одним из первых был пункт о происхождении этноса⁶. Поэтому, собирая материал о скифах, историк провел собственные изыскания и узнал рассказы самих скифов и их соседей греческих колонистов. Благодаря принципу историка передавать то, что он услышал от своих собеседников (II, 123; VII, 152), мы узнаем два мифа о происхождении скифов, а также историческое предание о переселении скифов в Северное Причерноморье (IV, 5–11). Внесение того или иного рассказа в «Историю» не означало признание его достоверности, о чем Геродот неоднократно заявлял. В частности первый из приведенных им мифов не вызывал у него доверия, однако историк дважды подчеркнул, что скифы именно так рассказывают о своем происхождении (IV, 5, 7). Сам же Геродот, как и современные ученые, считал наиболее отвечающим действительности последнее из перечисленных преданий, в котором говорилось о приходе скифов с востока в причерноморские степи. Однако эти две главы (IV, 11,12) не входят в круг нашего анализа, так как в основном посвящены побежденным скифами киммерийцам.

Напомним содержание мифа, в котором объясняется происхождение трех ветвей скифских племен, и все они представлены автохтонным населением Северного Причерноморья. Их родоначальником считался Таргитай, первый человек, поселившийся на этих пустовавших землях. Родителями Таргитая называли Зевса и дочь реки Борисфен. У Таргитая было трое сыновей — Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Первые двое не смогли притронуться к упавшим с неба предметам, которые пылали огнем при их приближении. Это были золотые плуг с ярмом, секира и чаша. Младший же брат смог их спокойно взять. Увидев в этом божественное знамение, старшие братья по взаимному соглашению передали Колаксаю царскую власть. Он стал родоначальником царских скифов, именуемых паралатами, от Липоксая произошли авхаты, а от Арпоксая — катиары и траспии. Колаксай разделил свое царство между тремя сыновьями, и в большей из этих частей хранились упавшие с неба священные предметы. В их честь ежегодно устраивается праздник с жертвоприношениями.

Видимо, именно на этом празднике всегда рассказывался миф о происхождении скифов и золотых святынь. Геродот попросил кого-

⁶ *Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной литературе // Африканский этнографический сборник. Л., 1990. С. 144–145.

то из местных греков, общавшихся с соседними племенами и знавших их язык, узнать, как скифы объясняют свое происхождение. В том, что это действительно скифский миф, убеждают иранские имена всех героев.

Слова же о том, что отцом Таргитая был Зевс, указывают на изложение мифа эллином, который на свой лад заменил варварское имя верховного божества на греческого Зевса, отца множества богов и героев. Грекам вообще было свойственно поступать подобным образом при передаче рассказов варваров, и это неоднократно отразилось в тексте «Истории» Геродота⁷. Например, лидиец Крез в беседе с персом Киrom говорит о посвящении Зевсу части военной добычи, хотя он имел в виду не греческого, а своего верховного бога, так же царь Дарий просит Зевса, а не персидского бога, помочь ему отомстить афинянам (Her. I, 89; V, 105). Характер записи скифского мифа показывает, что информатор историка передал достаточно подробно содержание, но не сохранил фольклорных особенностей повествования на чуждом ему языке.

В этом плане второй миф, услышанный Геродотом от «эллинов, живущих у Понта», существенно отличается от первого. В записи этого мифа и двух исторических новелл сохранены черты, свойственные всем жанрам повествовательного фольклора, включающего сказки, мифы, новеллы, легенды и др. В них герои характеризуются только поступками, кульминация событий приближена к концу рассказа; хороший исполнитель оживляет повествование прямой речью персонажей, употребляет *praesens historicum*, становясь как бы свидетелем событий, но сам никогда не выступает на первый план.

Греческие колонисты, обосновавшиеся в стране, называемой ими Скифией, рассказывали, что туда Геракл прибыл на колеснице, запряженной конями. Пока герой спал, укрывшись львиной шкурой, лошади исчезли; после долгих поисков герой нашел их у местной богини, туловище которой переходило в змеиный хвост. Она соглашалась отдать коней лишь после того, как у нее от Геракла родятся дети. Так появились на свет три брата: Агафирс, Гелон и Скиф. Возвращая колесницу и отпуская Геракла на родину, змееногая богиня спросила, что делать сыновьям, когда они станут взрослыми: идти ли к отцу или оставаться во владениях матери. Геракл велел устроить юношам испытание, после которого победитель станет властителем страны, а его братьям следует уйти в другие земли.

⁷ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 80.

Соперники должны были натянуть лук, оставленный отцом, и надеть его боевой пояс, на котором висела золотая чаша. Это удалось лишь младшему сыну Скифу, он стал правителем на родине, и от него вели родословную скифские цари. Его братья правили в соседних землях, и от них произошли наименования агафирсов, живших к западу от скифов, и гелонов, обитавших к востоку от Скифии.

Геродот изложил миф, используя оборот *accusativus cum infinitivo*. Так историк подчеркнул, что он пишет не сам, а передает услышанный рассказ. Это относится и к заключению повествования. Его грамматический строй не позволяет принять утверждение А.С. Русяевой⁸, что здесь Геродот уточняет свое понимание происхождения скифских царей от младшего сына Геракла. Важно отметить, что после слов о происхождении скифских царей историк действительно вставил собственное замечание: «так рассказывают эллины, живущие у Понта»; и здесь он уже не использовал оборот *accusativus cum infinitivo*. Поэтому у нас нет оснований приписывать часть рассказа домыслу Геродота.

В устах искусных исполнителей изложение оживлялось прямой речью персонажей. Именно так записан в «Истории» диалог змееной богини и Геракла перед тем как он покинул Скифию. Среди распространенных фольклорных приемов повествования встречаются попутные замечания, парэнтезы; здесь парэнтеза использована в виде краткого наивного вставного упоминания о том, что Геракл носил с собой два лука. Подобно всему тексту мифа, это пояснение дано в форме оборота *accusativus cum infinitivo*, который еще раз указывает, что эти слова принадлежат не Геродоту, а его источнику⁹. В ходе изложения мифа рассказчик заметил, что, оставляя сыновьям свой лук, герой не может оказаться без оружия в дальнейших странствованиях, и дал свое объяснение наличию у Геракла двух луков.

Подробности, не имевшие значения для развития сюжета, вводились в фольклорные произведения с целью создания наглядной обстановки вокруг излагаемых событий. В нашем случае таково замечание о том, что в Скифии во время зимней стужи Геракл спал, завернувшись в львиную шкуру. Эта шкура — постоянный атрибут героя, поэтому слушатель сразу мог нарисовать в своем воображении исходную картину этого красочного рассказа. Для придания достоверности действие фольклорных произведений часто помещали

⁸ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005. С. 39.

⁹ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. С. 153.

в знакомые слушателям места, в данном случае в лесную область Гилею близ Ольвии. Поэтому можно заключить, что Геродот записал миф, услышанный именно в Ольвии, потому что другим понтийским эллинам эта местность вряд ли была хорошо известна, и такая подробность едва ли могла иметь существенное значение для аудитории рассказчика.

В одном граффито середины VI в. до н.э. сообщается о сооруженном ольвиополитами и разрушенном (их соседями или по естественным причинам?) алтаре Геракла в Гилее¹⁰. Наличие этой надписи дает основание предположить, что интересующий нас миф возник вскоре после заселения греками Нижнего Побужья и существовал уже не одно десятилетие ко времени посещения Геродотом Ольвии. В пользу этого говорит упоминание трех скифских племен, с которыми греки действительно встретились в окрестностях своего полиса. Позже расположение племен в Скифии изменилось, и у ольвиополитов появились новые соседи, о чем свидетельствует сравнение наших отрывочных сведений о сочинении Гекатея Милетского и ионийских карт с описанием в «Истории» Геродота¹¹. Однако это совсем не обязательно должно было сказаться на сюжете уже устоявшегося мифа; ведь в фольклоре часто удерживались гораздо более древние представления. Например, в сочинениях Павсания и Плутарха можно найти мифы, восходящие к догомеровской эпохе, т. е. ко времени, когда мифы еще письменно не фиксировались. Поэтому представляется несостоятельным мнение А.С. Русяевой о том, что Геродот не записал рассматриваемый миф в Ольвии, где в содержание рассказа якобы должны были быть внесены изменения, соответствующие реалиям середины V в. до н.э., а использовал в качестве источника сочинение какого-то логографа либо запись или рассказ жреца в одном из милетских храмов¹². В таком случае историк передал бы лишь фабулу, а не множество черт живого устного повествования, потому что, как говорилось выше, в VI в. до н.э. так красочно в прозе никто не умел записать народные предания. Кроме того, согласно рассказу Геродота, греки в середине V в. до н.э. знали, что агафирсы и гелоны продолжали жить в Восточной Европе, хотя и на других территориях, так что

¹⁰ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. С. 41.

¹¹ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 48–51.

¹² Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 9–10.

даже с этой точки зрения не было нужды менять предание о происхождении их наименования.

Возможно, Геродот слышал и другие варианты этого мифа, поскольку он сообщает, что миф рассказывают понтийские эллины, а не конкретно ольвиополиты. О существовании иных версий можно судить по перечислению деяний Геракла в одной надписи римского времени (SIG XIV, 1293 a, 94–97). В ней говорится, что Геракл пришел из Фракии в Скифию, и там от его связи с Ехидной родились сыновья Скиф и Агафирс. Такой рассказ, наверное, бытовал в колониях северо-западного Причерноморья, в частности в Тире, где в реальности существовали контакты лишь с агафирсами и скифами, гелоны же были мало известны. Вероятно, с этим мифом жители Тиря связывали отпечаток ступни Геракла, который находился на скале у реки Тираса; он поражал своей величиной в два локтя, т. е. около метра в длину (Her. IV, 82).

В научной литературе существует мнение, что записанный «отцом истории» миф имеет скифское происхождение, и он лишь слегка переработан греками. Скифологи находят некоторые параллели в иранской мифологии и считают, что Геракл заместил в устах эллинов скифского Таргитая¹³. О последнем сейчас известно только из записи Геродота (IV, 5), но у него нет и намека на какое-либо соотношение этих персонажей, хотя историк постоянно проводил параллели между эллинскими и чужеземными богами и героями; он в частности написал, что Гестия у скифов называется Табити, Зевс — Папай, Аполлон — Гойтосир, Афродита Урания — Аргимпаса, Посейдон — Тагимасад (IV, 59). В то же время Геродот специально подчеркнул, что рассматриваемый нами миф рассказывают местные греки, и он коренным образом отличается от того, что говорят скифы относительно своего происхождения от первого человека Таргитая (Her. IV, 5–6).

К мнению скифологов присоединяются и некоторые исследователи античности. В. Али назвал предание о Геракле и змееной богине скифским мифом в греческих одеждах¹⁴. Ю.В. Шауб¹⁵ безо-

¹³ Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 7–12; Петров В.П., Макаревич М.Л. Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1. С. 20–31; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 32–36, 54; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 93–98.

¹⁴ Алу В. Volksmärchen. S. 121; Толстой И.И. Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 234.

¹⁵ Шауб И.Ю. Италия — Скифия. Культурно-исторические параллели. М.; СПб., 2008. С. 75.

говорочно поддержал гипотезу Д.С. Раевского, который считал, что оба записанных Геродотом рассказа восходят к одному скифскому генеалогическому мифу.

На мой взгляд, предание о Геракле, родоначальнике местных племен, прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, и его структура близка к генеалогическим мифам, бытовавшим в Ионии и в частности в Милете, родине ольвиополитов и большинства колонистов в Причерноморье. Вообще греки часто связывали происхождение соседних народов со своими мифологическими героями, а также возводили родословную племен к предку, якобы давшему наименование народу. Ионийцы рассказывали, что персы происходят от Перса, сына Персея и Андромеды (Нер. VII, 61), а соседи милетян карийцы, лидяне и мисийцы ведут свою родословную от братьев с соответствующими именами Кар, Лид и Мис (Нер. I, 171); структура этих ионийских преданий прямо заимствована для объяснения происхождения агафирсов, гелонов и скифов. Роль Геракла в мифе также достаточно традиционна для греческого фольклора, в котором существовало немало рассказов об этом герое, ставшем родоначальником разных варварских племен.

В духе такой фольклорной традиции в среде ионийских колонистов, населивших северные берега Черного моря, сложился миф о Геракле, родоначальнике местных народов, и о происхождении их названий от имен его трех сыновей. Это плод коллективного творчества, а не специально придуманный жрецами рассказ, преследующий пропагандистские цели, пишут некоторые исследователи¹⁶. Ведь греческие жрецы выбирались подобно другим магистратам, и не представляли какой-то обособленной группы людей с особой идеологией. Неясно, перед кем надо было пропагандировать право на заселение пустующих земель на берегах Понта. Кочевые племена, входившие в контакт с новыми поселенцами, совсем не интересовались их мифологией, а сами колонисты не нуждались ни в какой пропаганде.

Тем, кто не занимался историей фольклора, трудно представить, как какое-то произведение может не иметь конкретного автора. А между тем на ранних этапах развития общества именно так и было, когда у разных народов создавались сказки, героический эпос и исторические легенды. Они, как язык народа, были плодом коллективного творчества. Во время появления эллинов в Северном

¹⁶ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. С. 39.

Причерноморье в среде колонистов господствовало мифологическое осознание действительности, которое выражалось в сотворении новых мифов на осваиваемых землях. Эти мифы невольно создавались по уже установившимся схемам. Одна из них — пребывание легендарного греческого героя в далекие времена в тех местах, которые осваивали колонисты. В их глазах так связывалась история новой родины с историей Эллады и таким образом обосновывалось право на владение землями, где побывал герой.

В рассматриваемом мифе имеется немало наблюдений из жизни скифских племен, с которыми греки общались в Северном Причерноморье. Действительно лук и боевой портупейный пояс составляли неотъемлемую принадлежность скифского воина¹⁷. Греческие мастера даже изготавливали для скифов чаши с ушком для прикрепления к поясу. Такова найденная в Братолюбовском кургане Херсонской области золотая чаша V в. до н.э. с припаянным к ней колечком¹⁸. Скифский лук, отличный по форме от греческого, эллины уже в архаический период детально рисовали на вазах, а позже воспроизводили на ювелирных изделиях и монетах¹⁹.

Соединение скифской богини с Гераклом, возможно, имело символический смысл священного брака местного божества и греческого героя. Мы не знаем, какой точно рассказчики представляли скифскую змееногую богиню. До недавнего времени ее отождествляли с изображениями так называемой «прорастающей девы», у которой вместо ног были растительные побеги, иногда оканчивающиеся головой животного²⁰. Теперь такое толкование подвергнуто убедительной критике, так как доказано, что эта дева входит в круг греческих наследниц древней богини владычицы зверей; ее эллины чаще всего отождествляли с Артемидой и изображали не только в Северном Причерноморье²¹.

Стоит отметить, что облик фантастического существа полуженщины полужмеи не чужд греческой мифологии. Такой греки пред-

¹⁷ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 111–120.

¹⁸ Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. New York, 1999. № 134.

¹⁹ Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. Рис. 25–28, 53.

²⁰ Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 2. С. 65–73; Петров В.П., Макаревич М.Л. Скифская генеалогическая легенда. С. 23–26; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 214.

²¹ Буйских А.В. Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 137–138.

ставляли Ехидну, мать разнообразных чудовищ. Описание Ехидны в «Теогонии» Гесиода (ст. 298–303), не знавшего скифской мифологии, подходит не только к облику скифской змееногой богини, но также к месту ее обитания в пещере, расположенной в пустынной местности: «Наполовину она дева со светлыми глазами и прелестным лицом, наполовину же чудовищная змея, огромная и грозная... у нее есть божественная пещера внизу под выдолбленной скалой, далеко от смертных людей и бессмертных богов». Попутно заметим, что Ехидна была не только именем собственным, но и греческим словом со значением змея. В этом смысле оно употреблено в тексте Геродота, а в качестве имени собственного — в надписи о деяниях Геракла.

В причерноморском мифе есть черты в равной мере свойственные греческому и скифскому фольклору. Это распространенный у многих народов сюжет о состязании трех братьев и получении царства младшим братом. Безусловно, умение пользоваться луком и использование боевого пояса служило характеристикой скифского воина. В то же время мастерством стрельбы из лука обладали также греческие герои, и прежде всего Геракл. Ему царь Эхалии посулил отдать в жены свою дочь Иолу, если герой победит братьев царевны в стрельбе из лука; за отказ выполнить это обещание герой разорил Эхалию. На этот сюжет в архаический период появилась эпическая поэма «Взятие Эхалии». С детских лет каждый грек знал «Одиссею», в которой вся двадцать первая песня посвящена описанию состязания женихов Пенелопы. Она обещала выйти замуж за того, кто натянет лук Одиссея и прострелит 12 колец так, чтобы стрела ни одно не задела. Женихи не сумели даже натянуть лук Одиссея. Ведь согнуть и привести в боевую готовность дальнобойный лук было нелегким делом даже для физически сильного мужчины. Поэтому у многих народов испытание зрелости воина наряду со стрельбой в цель включало также сгибание лука и закрепление на нем тетивы. Иллюстрации этого есть на монетах Ольвии и на сосуде из кургана Куль-Оба. На монете изображен Геракл, а на сосуде скиф.

В научной литературе высказывалось мнение, что изображение на ольвийских серебряных монетах третьей четверти V в. до н.э., иллюстрирует миф, изложенный Геродотом. Фигура человека с наброшенной на голову и плечи львиной шкурой несомненно представляет Геракла; опустившись на колено, он одной рукой сгибает лук, а другой готовится закрепить свободный конец тетивы. По мнению П.О. Карышковского, на монетах запечатлен эпизод ми-

фа, когда Геракл показывал змееногой богине, как надо натягивать лук²². В.А. Анохин справедливо отметил, что не только на ольвийских серебряных статерах, но и на монетах других городов в это время встречается изображение Геракла, натягивающего лук; там эту фигуру никак нельзя соотнести с указанным мифом²³. К этому надо добавить, что в греческих мифах упоминался лук Геракла; он научился стрелять еще мальчиком и пользовался этим оружием при совершении своих подвигов, например, при расправе со Стимфалийскими птицами. Поэтому ольвийские монеты могли вызывать ассоциации с разными мифами, в том числе и с местными сказаниями о Геракле.

В VIII–VII вв. до н.э. в Ионии появился новый жанр фольклора, называемый теперь новеллой. Позже она стала излюбленной формой устного творчества во всей Элладе и ее колониях²⁴. Действие новелл происходило в обстановке повседневной жизни без вмешательства сверхъестественных сил, но при этом допускалось наличие знамений, оборотней, привидений и т.п. Устные рассказы о современных событиях рождались постоянно и все время обновлялись. Большинство их быстро забывалось, не получая какой-либо законченной формы. Если же устный рассказ об исторических событиях не умирал вместе с поколением его создателей, он превращался в историческую новеллу с закрепленным сюжетом. Так в течение долгого времени сохранялась в народе память об отдельных исторических личностях и событиях; правда в новеллах художественный вымысел мог преобладать над историческими фактами.

Сообщения о мудром скифе Анахарсисе встречаются в сочинениях античных авторов, начиная с классического вплоть до римского времени. После исторической новеллы в «Истории» Геродота этот легендарный герой все больше утрачивал черты своего реального прототипа и стал персонажем литературных вымыслов, а не народных сказаний²⁵. Устные рассказы о скифе, посетившем Элладу, историк слышал еще до своей поездки в Ольвию. Об этом можно судить по первому упоминанию Анахарсиса в «Истории», где он

²² *Карышковский П.О.* О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1. С. 189–195; *Он же.* Монетное дело в Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 49.

²³ *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 15.

²⁴ *Trenkner S.* The Greek Novella in Classical Period. Cambridge, 1958.

²⁵ *Скрябинская М.В.* Скифия глазами эллинов. С. 104, 105.

назван единственным известным грекам мудрым человеком из всех варваров, живущих в Причерноморье (IV, 46). Кроме того, Геродот знал исторические новеллы спартанцев об Анахарсисе, некогда посетившем Пелопоннес, и критически отнесся к местной версии о причине гибели скифа (IV, 77). Неудивительно, что в Ольвии историк попросил расспросить скифов об Анахарсисе, но с изумлением услышал, что они о нем ничего не помнят (IV, 77). В то же время собеседник историка Тимн, доверенный скифского царя Ариапифа, смог узнать родословную Анахарсиса. Он принадлежал к царскому роду, был сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа; скифский царь Савлий приходился ему братом, а племянником — Идантирс. Последний в античной литературе упоминается как победитель персов, вторгшихся в Скифию под предводительством Дария между 515 и 512 гг. до н.э. На основании родства с Идантирсом, ставшим царем после Савлия, можно определить, что Анахарсис жил в первой половине — середине VI в. до н.э.

Геродот ошибочно заключил, что скифы намеренно вычеркнули из своей памяти Анахарсиса за совершенное им святотатство. На мой взгляд, забвение объясняется уровнем социального развития скифов: они не имели письменности, а в их фольклоре отсутствовал жанр устойчивого рассказа об исторических личностях. Ведь у всех народов историческая новелла появлялась при сложении государства, отсутствовавшего у скифов во время жизни Анахарсиса. Так же развитием скифского общества объясняется возможность установить родословную давно умершего человека. Этнографические исследования показывают, что у бесписьменных народов каждому предписывалось знать свою родословную на много колен. Потребность в этом обуславливалась стремлением к жесткому соблюдению экзогамии, запрету браков между членами одного рода.

Ольвиополиты смогли удовлетворить интерес Геродота к судьбе Анахарсиса, так как в их среде уже примерно столетие сохранялась историческая новелла о гибели скифа, усвоившего язык и частично культуру эллинов. Поэтому Геродоту рассказали, что Анахарсис, возвращаясь из путешествия в Элладу, остановился в Кизике. (Там действительно обычно останавливались все греческие корабли перед выходом в Черное море.) В это время в городе пышно отмечался праздник в честь Матери богов, которую греки называли также Кибелой. Видимо, скиф попросил покровительства богини во время сулившего большие опасности плавания по Понту Евксинскому, так как в новелле говорилось о его клятве в случае благополучного завершения пу-

тешествия совершать жертвоприношения богине таким же образом, как в Кизике. Вернувшись на родину, Анахарсис исполнил свой обет в Гилее. Повесив на себя священные изображения Матери богов, он совершал обряды, ударяя в бубен. Кто-то из скифов донес об этом царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, убил брата, выстрелив в него из лука. Так, по мнению ольвиополитов, Анахарсис расплатился за приверженность чужой религии.

Исторические новеллы складывались всегда вскоре после описываемых событий, так что новеллу об Анахарсисе можно датировать началом второй половины VI в. до н.э. Она сформировалась в среде греческих колонистов, поселившихся в Нижнем Побужье. Невдалеке от Гилеи, где погиб Анахарсис, находились архаические греческие поселения и город Ольвия. Там скифа знали еще до его путешествия в Элладу: ведь ему надо было научиться греческому языку, и отсюда в Грецию он мог отправиться на греческом корабле, так как у скифов не было флота. В Ольвии найдено граффито второй половины VI в. до н.э., в котором упоминаются алтари Матери богов и Геракла в Гилее²⁶. Значит, Анахарсис не случайно выбрал Гилею для исполнения своего обета, а греки, посещавшие эти места, узнали о смерти скифа. Отправление греческого культа, скорее всего, было поводом для убийства, а причиной могли стать истинные или предполагаемые притязания Анахарсиса на царскую власть его брата Савлия.

Действие другой записанной Геродотом исторической новеллы происходило непосредственно в Ольвии (Нер. IV, 78–80), что не оставляет сомнений о месте происхождения этого рассказа. Герой новеллы скифский царь Скил больше нигде не встречается в античной литературе; он, как и Анахарсис, принадлежал к царскому роду, хорошо знал нравы и культуру греков, поклонялся эллинским божествам и погиб от руки своего брата. Поэтому некоторые ученые пытались доказать, что рассказы об Анахарсисе и Скиле являются вариантами предания об одном и том же человеке; по мнению одних, это был Анахарсис, а другие называли Скила, считая, что ряд эпизодов его биографии приписали Анахарсису²⁷. С этим не согласны большинство исследователей; ведь множество различных выразительных деталей в обеих новеллах подтверждает историческую достоверность многих моментов биографии их героев²⁸.

²⁶ Ружьева А.С. Религия и культуры. С. 145.

²⁷ Куклина И.В. Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3. С. 115, 116.

²⁸ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны. С. 317.

Важно также отметить утверждение Геродота, что Скил был сыном Ариапифа, а с Тимном, доверенным лицом этого царя, историк сам беседовал, узнавая родословную Анахарсиса. Скорее всего сведения относительно родственников Скила были получены от того же Тимна. Он, конечно, знал, что царь агафирсов Спаргапиф предательски убил Ариапифа, имевшего от разных жен трех сыновей; матерью Скила стала гречанка из Истрии, мать Октамасада происходила из рода фракийских царей, а мать Орика Опойя была скифянкой. Скил унаследовал власть отца и женился на своей мачехе Опойе. Последнее обстоятельство с большой долей вероятности указывает на существование у скифов свойственного многим древним народам института левирата, т. е. права вдовы вступать в брак только с членами рода умершего мужа.

Упоминание деда Октамасада фракийского царя Тера и его наследника Ситалка, известных по другим античным источникам, а также генеалогия скифских царей, которую можно восстановить благодаря изысканиям Геродота о происхождении героев записанных им новелл, позволяет заключить, что Скил жил в первой половине V в. до н.э.²⁹ Предание же о нем оформилось вскоре после его смерти. Таким образом, Геродот, посетивший Ольвию в середине того же века³⁰, записал сравнительно недавно сложившуюся историческую новеллу. В реальности существования Скила убеждают также археологические находки: монеты с именем царя и его золотой перстень с надписью Σκόλεω; начертание букв соответствует времени жизни Скила³¹.

После вступления о родословной царя Геродот изложил ольвийскую новеллу. В ней рассказывалось, как Скил приходил со своим войском в предместье Ольвии, оставлял там всех скифов, а сам в течение месяца и даже дольше жил в городе, распорядившись запереть городские ворота, чтобы его соотечественники не знали о его эллинских привычках. В Ольвии царь ходил без свиты и телохранителей, передевался в греческую одежду, участвовал в жертвоприношениях греческим богам, имел жену гречанку и жил в собственном роскошном доме, украшенном скульптурами сфинксов и грифонов. Он захотел присоединиться к ольвиополитам, посвященным в таинства Диониса. От такого намерения его предостерегало грозное

²⁹ Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 103–105.

³⁰ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 315–316.

³¹ Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила. С. 107.

знамение — разрушение молнией его ольвийского дома; однако это не остановило Скила, и он исполнил свое желание. Один из ольвиополитов провел нескольких скифских старейшин на городскую оборонительную башню, и они увидели своего царя в вакхическом исступлении шествовавшего с процессией по улицам вместе с поклонниками Диониса. Возмущенные очевидцы рассказали об этом скифскому войску, стоявшему у стен города. В результате произошел переворот, и скифов возглавил сводный брат царя Октамасад, а Скил вынужден был бежать во Фракию, где нашел убежище у царя Ситалка. Октамасад преследовал беглеца и решил воевать с Ситалком, но тот предложил мирное соглашение, по которому ему возвращали бежавшего в Скифию брата в обмен на Скила. Так в руках Октамасада оказался Скил, и ему отрубили голову. В заключительных словах рассказа говорится, что это было наказанием за приверженность чужим обычаям. В действительности Октамасад, наверное, желал избавиться от соперника, могущего отнять у него царскую власть, как было и в случае расправы с Анахарсисом.

Реальные факты биографии скифского царя прошли через фильтр восприятия ольвиополитов. Драматические события многих греческих новелл объяснялись непредотвратимым роком; такие примеры неоднократно встречались в новеллах о греческих и иноземных правителях (Нер. I, 8; II, 169; V, 92; IX, 109). В записи Геродота мы читаем слова, что Скилу суждено было несчастье, поэтому от рокового поступка, приведшего царя к гибели, его не удержало даже грозное знамение.

Построение новеллы по законам фольклора допускало определенный отход от реалий повседневной жизни. Поэтому имеющиеся там с точки зрения нашей логики ошибки не стоит приписывать Геродоту. Например, невероятно представить, чтобы ворота Ольвии наглухо запирались для всех, пока в городе в течение месяца жил скифский царь. Если же это касалось только скифов, то греческие жители предместья, где стояло скифское войско в ожидании царя, могли рассказывать скифам о городской жизни Скила, спокойно ходившего по улицам без всякой охраны. Однако фольклорный рассказ строится по принципу контрастных противопоставлений. Поэтому рассказчик предпочитает полностью изолировать Скила от его подданных и затем описать потрясшую их сцену приобщения царя к чужой религии.

Геродот изложил новеллу близко к стилю устного рассказа. Историк сохранил в прямой речи слова ольвиополита, сообщившего ски-

фам о вакхическом безумии Скила, и обращение Ситалка к Октамасаду с предложением обменяться знатными беглецами, искавшими у них убежища. С той же целью для оживления повествования в фольклоре употреблялось настоящее время в рассказе о прошлом; оно дважды встречается в этой новелле: узнав о возмущении войска, Скил *бежит* во Фракию, а Октомасад, выслушав посла Ситалка, *соглашается* на его предложение.

Новелла раскрывает большую заинтересованность ольвиополитов в осведомленности о конкретных событиях в среде их скифских соседей. Поэтому в устном предании сохранены имена Октамасада, брата-соперника Скила, и двух фракийских царей Тера и Ситалка, состоявших в родственных связях с царским домом скифов. Этими связями объясняется, почему Скил искал убежище у Ситалка, а брат последнего бежал к скифам. Названные Геродотом скифские персонажи новеллы сейчас известны только из сочинения отца истории, а деяния фракийца Ситалка и его отца Тера описаны у Фукидида (II, 95–97; IV, 101) и Диодора (XII, 50), что косвенно подтверждает реальное существование героев ольвийской новеллы и дает основание для ее достаточно точной датировки.

Благодаря «Истории» Геродота мы узнаем, что милетские колонисты, поселившиеся в Северном Причерноморье, создавали новые мифы и исторические новеллы, в которых можно различить творчески развитые традиции их ионийской метрополии. В местном мифе о Геракле таковыми были возведение происхождения соседних народов к греческому герою и объяснение названий скифских племен именем первого правителя, а в исторических новеллах — предопределение гибели героя непреодолимым роком. Передавая рассказы ольвиополитов, историк сохранил многие особенности устной речи хороших исполнителей фольклорных произведений. Этого не наблюдается при записи скифского фольклора, так как греческие информаторы, знавшие скифский язык, смогли изложить историку только сюжет, но не характер исполнения. Поэтому затруднительно представить, какими художественными средствами пользовались скифские сказители и даже решить, является ли миф о Таргитае и его потомках эпизодом из эпоса, или это было отдельное фольклорное произведение.

Подробные изложения устных рассказов с конкретным описанием Ольвии или указанием на ее окрестности показывают, что именно в Ольвии Геродот записал местный вариант мифа о происхождении скифов от Геракла, а также новеллы об Анахарсисе и Скиле.

Не случайно у историка отсутствуют созданные в других городах Северного Причерноморья фольклорные произведения о скифах. Поэтому несостоятельны иногда высказываемые предположения о том, что Геродот собирал свои сведения о Скифии в Элладе. Судя по археологическим находкам, в Милет, на Самос или в Афины, где Геродот подолгу жил, постоянно приходили корабли из всех крупнейших городов Северного Причерноморья, так что историк не стал бы ограничивать себя беседами только с ольвиополитами. Однако он хотел узнать новые сведения о Скифии, увидев ее своими глазами и расспросив тех, кто непосредственно общался со скифами. Обстоятельные записи местных мифов и новелл можно присоединить к отмеченным разными исследователями многочисленным косвенным свидетельством о путешествии историка в Северное Причерноморье, где главным опорным пунктом для него стала Ольвия³². Это позволяет еще раз возразить тем немногим, кто до сих пор сомневается в реальности посещения Геродотом Ольвии³³.

Включение в «Историю» записей скифского и местного греческого фольклора не являлось для Геродота самоцелью; он не стремился показать, что на северном краю ойкумены, так же как в любом полисе Эллады, рассказывают свои не известные в других регионах мифы и новеллы. Вероятно, впервые в греческой литературе историк, не имея других возможностей, использовал устные предания как исторический источник о происхождении и нравах скифов. Современные исследователи также с этой точки зрения анализируют фольклорные произведения, хотя и относятся к ним иначе, чем Геродот.

Рассмотренные главы из Скифского рассказа Геродота содержат бесценные исторические сведения о жизни греческих колонистов и их соседей в Северном Причерноморье. Записи мифов и новелл показывают, как греки на новой родине развивали фольклорные традиции своей метрополии. Только благодаря любознательности отца истории и его обращению к устным источникам теперь известна генеалогия скифских царей VII–V вв. до н.э. Из мифа о сыновьях Таргитая ученые извлекают историческую информацию о делении

³² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 324; Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 214–230; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 100.

³³ Руслева А.С. Религия и культуры. С. 9–10; Armayor O.K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in classical philology. 1978. № 82. P. 45–62.

скифского общества на сословно-кастовые группы³⁴. Косвенные данные позволяют придти к заключению о наличии левирата и о знании многих колен родословной в скифских семьях. Сведения Геродота дают возможность узнать о системе наследования царской власти у скифов, которая переходила от отца к сыну или от брата к брату; исторические новеллы также свидетельствуют об оживленных контактах греков с кочевыми соседями, а также о тесных связях скифов с фракийцами и о заключении между ними династических браков.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 2.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Буйских А.В.* Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11.
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. 34.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
- Карышковский П.О.* О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1.
- Карышковский П.О.* Монетное дело в Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986.
- Куклина И.В.* Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Петров В.П., Макаревич М.Л.* Скифская генеалогическая легенда // СА. 1963. № 1.
- Поплинский Ю.К.* Принципы этнографических описаний в античной литературе // Африканский этнографический сборник. Л., 1990.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

³⁴ Раевский Д.С. Очерки идеологии. С. 65–71.

- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.
- Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Толстой И.И.* Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Шауб И.Ю.* Италия — Скифия. Культурно-исторические параллели. М.; СПб., 2008.
- Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
- Armayer O.K.* Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in classical philology. 1978. № 82.
- Jacoby F.* Herodotus // RE. Supplbd. 2. 1913.
- Scythian Gold.* Treasures from ancient Ukraine. New York, 1999.
- Trenkner S.* The Greek Novella in Classical Period. Cambridge, 1958.

Marina Skrzhinskaya

FOUR FOLKLORE TALES IN THE SCYTHIAN LOGOS OF HERODOTUS

Herodotus used folklore tales as a source of his information about Scythia. The article provides a comprehensive stylistic analysis of two myths describing the origin of Scythians and two historical novels about Anacharsis and Scylis, the Scythians from a royal family (Her. IV, 5–10; 76–80). The author reveals in the text a number of special folklore features and also demonstrates how the historian preserved the peculiarities of the spoken language. Skrzhinskaya puts forward several arguments that prove that the myth about Heracles, a snake-legged goddess and their three sons cannot be of Scythian origin. The author criticises the suggestion that this myth was created by Greek priests. Writings by Herodotus witness that in the VI–V cent. BC some new myths and novels appeared among the Greek colonists living at the Black Sea coast. These myths and novels were composed within the frames of folklore tradition of their metropolis. Herodotus wrote down the above mentioned four tales in Olbia and with the exception of the Scythian genealogical myth they all had been created by the Olbiopolitans.

Key words: Northern Black Sea region in the antiquity, Old Greek colonization, mythology, historical novel, Scythian tsars, Heracles.